

ПРИНЦИП СУБСИДИАРНОСТИ В ПРАВЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРЕДЕЛ НАДНАЦИОНАЛЬНОСТИ ИЛИ ЕЕ РАЗВИТИЕ?

Т. Н. Михалева

Рассматривается нормативное закрепление и практика реализации принципа subsidiarity в Европейском союзе. Особое внимание уделяется практике Суда ЕС. Описывается эволюция концепции subsidiarity в актах ЕС и ее влияние на развитие интеграционных процессов в Европе. Сделан вывод, что принцип subsidiarity выступает как часть своеобразного механизма сдержек и противовесов в отношении наднациональных органов, но одновременно способствует и развитию интеграции путем вовлечения дополнительных акторов в процесс согласования интеграционных интересов.

The article considers normative regulation and practice of realization of the principle of subsidiarity in the European Union. Special attention is paid to the practice of the Court. The author tracks evolution of the concept of subsidiarity in the EU instruments and its influence on the development of integration processes in Europe. The author concludes that principle of subsidiarity presents itself a specific mechanism of checks and balances in relation to supranational organ, in the same time, however, promoting integration by including new actors into the process of adjusting integration interests.

Ключевые слова: Европейский союз; Лиссабонский договор; наднациональность; принципы права ЕС; subsidiarity; Суд ЕС.

Keywords: Court of the EU; European Union; Lisbon treaty; principles of EU law; subsidiarity; supranationality.

Суть концепции subsidiarity заключается в том, что на высший уровень управления необходимо выносить только те вопросы, которые не могут быть решены на более низком уровне. Эта концепция применима и в государственном управлении, и в интеграционном объединении. Subsidiarity заявлена как один из нормативных постулатов европейской интеграции. Это вполне объяснимо и логично: действительно, более подходящее и эффективное решение может быть найдено теми, кто ближе и лучше знаком с проблемой, требующей такого решения. Лишь те вопросы, которые не могут быть решены на данном уровне, должны быть вынесены на более высокий уровень. Концепция проста, однако как ее реализовать в практике интеграционного объединения? Согласно каким критериям определять уровень наилучшего решения проблемы? Не будет ли это тормозить интеграционное движение? Какова должна быть юридическая природа такой нормы? Что в конечном итоге она означает – предел наднациональности или ее развитие? Опыт ЕС в данном отношении насчитывает

уже три десятка лет и отражен в отдельных нормах учредительных актов, ряде специальных актов, судебной практике как на уровне Суда ЕС, так и национальных судов. Этот опыт представляет интерес с точки зрения построения эффективной системы управления интеграцией и развития евразийского права.

Субсидиарность как критерий впервые был закреплен в Едином европейском акте 1986 г. и на тот момент касался вопросов окружающей среды. Спустя несколько лет концепция распространилась на все сферы правоотношений и была внедрена нормативно как общий принцип функционирования всех Сообществ.

В этот период готовились серьезные изменения в правовую систему Сообществ, в том числе касавшиеся создания «храмовой» системы трех опор, разграничения компетенций между сообществами и государствами и др. В европейском регионе процессы интенсификации интеграции и ее спада всегда находились в очень тесном диалектическом переплетении: на смену прогрессивным идеям развития общего рынка, укрепления наднациональных структур, расширения компетенции ЕС приходили сдержанные настроения, и наоборот. Если посмотреть на ревизионные договоры к учредительным актам – это всегда результат серьезного компромисса. Разработка Маастрихтского договора (Договора о Европейском союзе 1992 г.) в этом отношении не исключение.

С одной стороны, удалось закрепить основы создания экономического и валютного союза, расширить полномочия Европарламента, ввести как надстроечную категорию понятие «Европейский союз» и т. п. С другой – регулирование общей внешней политики и политики безопасности, а также сотрудничество по уголовным делам остались в большей степени сферой межгосударственного сотрудничества, нежели интеграции, обсуждение многих нововведений и ратификация Маастрихтского договора в государствах были сопряжены с изменением национальных конституций, проведением референдумов¹.

Противоречий было очень много, и связаны они были в основном с опасениями по поводу усиления наднационального в системе ЕС и федерализации ЕС. Концепция subsidiarity выступила своего рода «якорем», который гарантировал, что «европейский корабль» не унесет в «открытое море» надгосударственности и неограниченного сужения суверенных прав государств. После принятия Договора о ЕС subsidiarity называли

¹ Повторный референдум проводился в Дании, возможность его проведения обсуждалась во Франции, знаменитое «Маастрихтское решение» немецкого Федерального Конституционного суда (см.: *Wieland J. Germany in the European Union – The Maastricht Decision of the Bundesverfassungsgericht*) [1].

«словом, которое спасло Маастрихт» [2]. Судя по комментариям разработчиков, многие представители Маастрихтской конференции хотели видеть это понятие в ревизионном договоре, но никто не представил конкретной концепции, что оно будет означать [2].

Маастрихтский договор ввел принцип subsidiarity в качестве принципа европейского права в целом¹. В ст. 3b было установлено, что в сферах, в которых Сообщество не обладает исключительной компетенцией, оно действует тогда и в той мере, в какой государства не могут эффективно достичь результата, и в силу масштаба такого действия лучшим образом он может быть достигнут на уровне Сообщества [3]. Юридически принцип был сформулирован нечетко [4], оставляя многое на усмотрение правоприменителей. Однако, возможно, именно пространная формулировка позволила вывести его на уровень нормы-принципа [2].

Неясность его реализации на практике, механизма взаимодействия органов Сообществ по его воплощению в жизнь сделали необходимым обсуждение этих вопросов на заседании Европейского совета уже в декабре того же 1992 г. и принятие межинституционального соглашения от 25 октября 1993 г. [5].

Через несколько лет, в 1997 г., в качестве приложения к Амстердамскому договору был принят Протокол о применении принципов subsidiarity и пропорциональности, благодаря которому стал возможен судебный контроль соблюдения данного принципа.

Ниццкий договор не привнес ничего нового в формулировку subsidiarity как правовой нормы. Однако декларацией № 23 к Ницкскому договору были развиты нормы о включении национальных парламентов в процедуры мониторинга соблюдения принципа subsidiarity.

Концепция subsidiarity, заложенная Маастрихтским договором и, по сути, не измененная, устанавливала баланс в правоотношениях государство – Сообщество, но не государство – общество. Европейская интеграция же всегда позиционировалась как союз граждан, в первую очередь объединение ради блага народов, населяющих Европу, граждан Европы. Преамбула Маастрихта гласила: «...принятие решений как можно ближе к каждому гражданину». Этот постулат преобразовался в часть концепции subsidiarity, закреплённой нормативно в статьях учредительного договора только в версии Лиссабонского договора.

¹ В решении суда первой инстанции T-29/92 от 21 февраля 1995 г. указано, что принцип subsidiarity не был общим принципом права, на соответствие которому надо было проверять меры, предпринятые Сообществом, до вступления в силу Маастрихтского договора.

Лиссабонский договор 2007 г. во многом повторил нормы Маастрихта касательно субсидиарности, но усилил позицию в отношении различного уровня власти в государствах. Если раньше указание о субсидиарности было в общем по отношению к государствам-членам, то с 2007 г. в п. 3 ст. 5 Договора напрямую упоминаются региональные и местные власти: «Согласно принципу субсидиарности Союз в сферах, которые не относятся к его исключительной компетенции, действует лишь тогда и в такой степени, в какой цели предполагаемого действия не могут достаточным образом быть достигнуты государствами-членами на центральном, региональном или местном уровне, но, ввиду масштабов или последствий предполагаемого действия, могут быть лучше достигнуты на уровне Союза» [6].

Данному положению вторят иные заложенные в Договоре правовые механизмы, в том числе положения об усиленной роли Комитета регионов (ст. 407 Договора о функционировании Европейского союза).

В качестве приложения к Лиссабонскому договору так же, как и в Амстердамском договоре, был включен специальный Протокол о принципах субсидиарности и пропорциональности (Протокол № 2). Статьей 2 Протокола предусмотрена обязанность Комиссии проводить консультации и принимать во внимание региональное и местное измерение предлагаемой меры. В п. 1 ст. 6 Протокола акцентирована роль парламентов, что отличает лиссабонскую версию Протокола от амстердамской.

Концепция субсидиарности в современных актах пронизывает весь правопорядок ЕС, не оставляя никаких сомнений в том, что нормы о субсидиарности – не политический принцип, а юридический, что долгое время обсуждалось в доктрине [7].

В Лиссабонском договоре нет изъятий и исключений из принципа субсидиарности. Однако принцип субсидиарности не распространяется на сферы, которые входят в исключительную компетенцию ЕС¹: такие, например, как таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, конкуренция, а также те сферы, которые в силу природы ЕС как организации, обладающей собственной правосубъектностью, входят в ее внутреннюю компетенцию (например, комитология, правила доступа к документам институтов и органов ЕС и защиты данных, кодификация существующей нормативной базы, проч. [8]).

В иных сферах действие принципа субсидиарности означает, что Союз должен предпринимать меры при двух условиях:

если цель не может быть достигнута эффективно государствами-членами,

¹ Договор о функционировании Европейского союза предусматривает три вида компетенции, которая осуществляется Союзом: исключительная, совместная и дополняющая, и очерчивает пределы каждой из них.

если на уровне Союза такая цель может быть успешно реализована в силу масштаба или последствий предполагаемых мер.

Принцип subsidiarity наряду с принципом наделения компетенцией, принципом пропорциональности, рядом иных принципов является базис построения и функционирования всей правовой системы ЕС, равноважен на стадии правотворчества, мониторинга, применения права, применим на стадии судебного контроля. Он обязателен для всех институтов и органов ЕС.

Особую роль он играет при оценке, следует ли Союзу предпринимать те или иные регулятивные меры. В рамках политики «лучшего управления» (Better Regulation) любые меры, которые предпринимаются институтами или органами ЕС, подлежат оценке на соответствие принципу subsidiarity. В Практических рекомендациях по имплементации Протокола № 2 о применении принципов subsidiarity и пропорциональности от 5 июня 2013 г. предложены три вида вопросов, на которые органу или институту, принимающему решение в ЕС, необходимо ответить последовательно, чтобы оценить его на соответствие принципу subsidiarity: 1) входит ли данный вопрос в сферу исключительной компетенции ЕС, 2) может ли цель быть достигнута на уровне государств-членов. При этом предложено принять в расчет географический масштаб воздействия меры, в том числе ее возможный трансграничный характер, число компаний или иных акторов, на которые может повлиять такая мера, уровень экономического воздействия; 3) может ли предполагаемая мера быть более эффективной, если будет принята на уровне Союза.

Контроль со стороны национальных парламентов за соблюдением принципа subsidiarity осуществляется ими напрямую *ex ante*, на стадии проработки проекта законодательного акта. Правовой основой для этого служат п. в ст. 12 Договора о Европейском союзе и п. 3 ст. 5 Договора о функционировании Европейского союза. Национальные парламенты (любая из палат) уведомляют соответствующие институты ЕС (Европарламент, Совет ЕС, Еврокомиссию) и собственные правительства о любом законопроекте, который, по их мнению, не соответствует принципу subsidiarity. Происходит это в течение 8 недель с момента, когда им был направлен законопроект. В случае, если парламент находит, что принцип subsidiarity таким законодательным актом будет нарушен, такое мнение должно быть обосновано. В ситуации, когда одна треть парламентов выскажет такую позицию, институт ЕС, от которого исходит законопроект, должен пересмотреть его («желтая карточка»). Если речь идет об общей внешней политике или политике безопасности, такой порог еще ниже: высказаться против и аргументировать это должна как

минимум одна четверть национальных парламентов. При этом у каждого однопалатного парламента один голос, в бикамеральных – по одному голосу у каждой палаты.

Институт, представивший законопроект, вправе отозвать, изменить либо поддержать законопроектную инициативу и должен обосновать позицию. Если же в ходе обычной законодательной процедуры по крайней мере простое большинство национальных парламентов высказалось против, а Комиссия настаивает на инициативе, вопрос решается Европейским парламентом или Советом ЕС в зависимости от того, где проходит первое чтение. Если законодательный орган – Совет ЕС или Европарламент в зависимости от процедуры – приходит к выводу, что предложенный законопроект не совместим с принципом субсидиарности, он может отклонить его при условии, что такое решение примет соответственно либо 55 % членов Совета ЕС, либо большинство проголосовавших в Европарламенте («оранжевая карточка»).

В мае 2012 г. первая «желтая карточка» имела место в отношении законопроекта Еврокомиссии об ограничении права на коллективные протесты (забастовки) в связи со свободой учреждения и свободой оказания услуг компаниями во всем ЕС (Monti II¹). Речь шла о проекте, ограничивающем право работников на забастовки, что вызвало волну негодования со стороны профсоюзов и национальных парламентов, которые ссылались не только на Европейскую социальную хартию, но и на принцип субсидиарности. По словам одного из членов Европарламента, «Лиссабонский договор далеко не совершенен, но правило желтой карточки – важный противовес полномочиям ЕС. Впервые оно было использовано – и мы приветствуем его признание Комиссией». Двенадцать из 40 национальных парламентов или палат парламентов (имеющих 19 из 54 возможных голосов) высказались, что проект не соответствует принципу субсидиарности. Комиссия отозвала проект, хотя отметила, что такой принцип не нарушается этими мерами.

В октябре 2013 г. правило желтой карточки было использовано повторно. На этот раз в отношении проекта, касавшегося учреждения института Европейского прокурора, 14 палат в 11 государствах-членах высказались против. Комиссия не отозвала проект, а поддержала его, обосновав это тем, что принцип субсидиарности не нарушен и такие действия могут быть реализованы в рамках продвинутого сотрудничества [9].

Протокол также предоставляет государствам (в том числе по инициативе национальных парламентов, если это предусмотрено внутренним

¹ По имени итальянского премьер-министра Марио Монти, который в свое время, находясь в должности комиссара по единому рынку, также предлагал аналогичный проект.

правом¹) возможность обратиться в Суд ЕС с иском об аннулировании ввиду нарушения законодательным актом принципа субсидиарности. Истцом может быть и Комитет регионов, если Договором о функционировании ЕС предусмотрено участие данного органа в принятии проекта.

Судебный контроль со стороны Суда ЕС происходит *ex post*, после принятия законодательного акта. Следует признать, что дел, в которых фигурирует принцип субсидиарности, не столь много, и Суд до сих пор не вынес ни одного решения об аннулировании акта ввиду нарушения принципа субсидиарности.

В судебных исках в основном не формулируют нарушение принципа субсидиарности как самостоятельное и единственное основание для иска. Зачастую и стороны, и Суд отмечали связь принципа субсидиарности с требованием права ЕС в отношении надлежащего обоснования причин принятия акта – положениями ст. 296 Договора о функционировании Европейского союза (ранее ст. 190 Договора о Европейском экономическом сообществе). Как правило, во всех делах Судом оценивались те позиции, которые были положены соответствующим институтом ЕС в обоснование принятия нормативно-правового акта.

В практике Суда тем не менее очевидно прослеживается все большее внимание всех органов, институтов ЕС, в том числе самого Суда, а также государств-членов к данному принципу и связанным с ним нормам о порядке принятия актов, принципе пропорциональности, компетенции и функциях органов. Если в ранних разбирательствах Суд, как правило, не стремился к углубленной оценке соблюдения принципа субсидиарности по существу, в более поздних решениях представлен достаточно детальный и независимый анализ ряда критериев реализации данного принципа.

В одном из первых дел «Великобритания против Совета ЕС» (С-84/94), в котором затронут принцип субсидиарности, Суд дает весьма сомнительную с точки зрения права и логики оценку действия Совета: «...постольку, поскольку Совет установил, что необходимо повысить существующий уровень защиты здоровья и безопасности работников и гармонизировать условия в этой сфере для закрепления таких улучшений, достижение таких целей посредством установления минимальных стандартов обязательно предполагает принятие мер на уровне Сообщества» (п. 47) [11]. Иными словами, во-первых, не дана правовая оценка

¹ Исследователи неоднократно указывали на несовершенства национальных механизмов (см.: *Leon C. de. Regions and Subsidiarity in the European Union: A Look at the Role of the Spanish and other Regional Parliaments in the Monitoring of Compliance with the Principle of Subsidiarity*) [10].

действиям Совета, а установлен факт. Во-вторых, в суждении Суда содержится непосредственный круг (тавтология): «Совет принял решение о необходимости, поэтому это необходимо».

В ряде случаев Суд очевидно избегает прямых оценок вопроса выхода за пределы компетенции и соблюдения субсидиарности в сущности, предпочитая ограничиваться анализом иных юридических норм. В деле С-233/94 «Германия против Европейского парламента» (решение от 13 мая 1997 г.) Суд ограничил пределы разбирательства процедурными моментами, связанными с субсидиарностью, но не касающимися ее сущности, без собственного анализа соблюдения субсидиарности. Впрочем, это было вполне обоснованно, исходя из буквального понимания заявленных требований. Суд отметил: «...в контексте требования Германия не заявляет, что Директива нарушает принцип субсидиарности, но только то, что законодатель в Сообществе при ее принятии не обосновал соответствие таких законодательных мер с данным принципом» (п. 24). Суд приходит к выводу, что обоснование принятия Директивы в достаточной степени отражает необходимость мер на уровне Сообщества, что свидетельствует о соблюдении принципа субсидиарности (п. 28) [12].

Центральный вопрос, на который обращает внимание Суд в случаях, когда он обязан проанализировать соблюдение принципа субсидиарности по существу, – это тот же вопрос о том, может ли цель оспариваемого акта (нормы) быть достигнута наилучшим образом на уровне ЕС.

Одним из аргументов, удачно использованных в ряде дел, в пользу того, что уровень ЕС – лучший для достижения цели регулирования, является позиция о важности гармонизированного подхода (осуществимого только через интеграционные акты) для функционирования общего рынка.

Так, в деле «Нидерланды против Совета», касавшегося Директивы 94/44/ЕС, Суд постановил: цель Директивы гармонизировать законодательство и практику его применения в сфере разработок по биотехнологиям «не может быть достигнута только действиями государств-членов по отдельности». Также, по мнению Суда, поскольку объем защиты имеет непосредственное влияние на уровень торговли внутри Сообщества, «ясно, что благодаря масштабу и последствиям предложенной меры цель ее может быть достигнута лучше на уровне Сообщества» (п. 32) [13].

Тот же аргумент о гармонизации права, которая необходима для достижения целей общего рынка, был использован в деле «Бритиш Американ Табакоу» (British American Tobacco): «Цель Директивы – исключить барьеры, возникающие ввиду различий, которые все еще существуют между

государствами-членами, в законах о производстве, рекламе и продаже табачных изделий» (см. п. 181–183)¹ [14].

Аналогичным образом в деле телекоммуникационной компании «Водафон» (Vodafone) касательно Регламента 717/2008 о тарифах на роуминг-услуги в ЕС Суд внимательно изучил оспариваемый акт и согласился с обоснованием его принятия, в том числе с позицией, изложенной законодателем в преамбуле, о том, что взаимозависимость различных роуминг-тарифов делает необходимым устанавливать их предельные значения, и это согласуется с принципом субсидиарности.

В европейской доктрине отмечают, что такая аргументация Суда весьма схожа с концепцией *Annexkompetenz* в немецком праве, согласно которой на уровне федерации могут быть предприняты дополнительные законодательные меры, таким образом может быть расширена регулятивная компетенция в тех вопросах, которые являются неотъемлемым дополнением к основной сфере регулирования. Регулирование такой дополнительной сферы должно следовать логически из ее сути, быть необходимым, соответствующим регулированию в основной сфере² [15; 16].

Контроль *ex post* предусмотрен и со стороны Европарламента. Так, Еврокомиссия ежегодно предоставляет отчет о соответствии принципу субсидиарности, в отношении которого Парламент высказывает свое мнение в виде самостоятельно инициированного доклада, подготовленного юридическим департаментом.

Следует отметить, что институты ЕС неоднократно показывали свою заинтересованность в эффективном применении принципа субсидиарности. Так, в 2010 г. между Европарламентом и Комиссией было заключено рамочное соглашение о сотрудничестве с национальными парламентами с целью стимулирования использования парламентами их полномочий по контролю за соблюдением принципа субсидиарности. В сентябре 2012 г. Европарламент принял резолюцию со схожим предметом и отметил в резолюции, что любые ситуации воспрепятствования национальным парламентам в осуществлении их контрольных функций относительно принципа субсидиарности должны расследоваться.

По мнению И. М. Бусыгиной, «в идеале принцип субсидиарности – это путь к европейской федеральной демократии, где ЕС – это федерация национальных государств (в отдельных случаях регионов), а сам ЕС не подчинен национальному уровню, но субсидиарен ему» [17]. Как отмеча-

¹ См.: п. 106–107 по объединенным делам C-154/04 и C-155/04 (*ANH v Secretary of State for Health*), п. 47 решения по делу C-103/01 (*Commission v Germany*).

² См.: *Fehling M. Gesetzgebungskompetenzen im Verfassungsrecht und im Unionsrecht ; Panara C. The Principle of Subsidiarity in the Sub-National Dimension of the EU.*

ют, формируется не только перераспределение полномочий по принятию решений «снизу» (регионы и локальный уровень) или «сверху» (уровень ЕС), но и сглаживается противопоставление «интересы государств – интересы Союза» [7].

Таким образом, в процесс согласования интересов, принятия решений оказываются вовлеченными не только государства, но и субъекты иного уровня. Вовлекая регионы, других акторов в реализацию интеграционных проектов, лиссабонская формула субсидиарности раздвигает границы принятия решений, смещая их с межгосударственных на субнациональные и трансграничные. На наш взгляд, в юридической конструкции, закрепленной в Лиссабонском договоре и развитой в правоприменительной практике, принцип субсидиарности выступает как часть своеобразного механизма сдержек наднациональных органов, но одновременно способствует развитию и укреплению интеграции.

Библиографические ссылки

1. *Wieland J.* Germany in the European Union – The Maastricht Decision of the Bundesverfassungsgericht // *European J. of International Law.* 1994. № 5. P. 259–266.

2. *Schilling T.* Subsidiarity as a Rule and a Principle, or: Taking Subsidiarity Seriously [Electronic resource]. URL: <http://jeanmonnetprogram.org/archive/papers/95/9510ind.html> (date of access: 12.06.2016).

3. Treaty on European Union, together with the complete text of the Treaty establishing the European Community [Electronic resource] // *Official J.* 1992. C. 224. URL: <http://www.lexnet.dk/law/download/treaties/Ect-1992.pdf> (date of access: 01.08.2016).

4. *The Evolution of EU law / ed. by P. Craig, G. de Burca.* Oxford : Oxford University Press, 1998.

5. Interinstitutional Agreement between the European Parliament, the Council and the Commission on procedures for implementing the principle of subsidiarity: Interinstitutional declaration on democracy, transparency and Subsidiarity [Electronic resource] // Reproduced from the Bulletin of the European Communities. 1993. № 10. URL: <http://aei.pitt.edu/1801/1/1801.pdf> (date of access: 01.08.2016).

6. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007 [Electronic resource]. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2007:306:FULL&from=ET> (date of access: 01.08.2016).

7. *Хохлов И. И.* Субсидиарность как принцип и механизм политик Евросоюза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edu.ru/db/portal/e-library/00000045/Hohlov.pdf> (дата обращения: 01.08.2016).

8. Tool № 3. Legal basis, subsidiarity and proportionality [Electronic resource]. URL: http://ec.europa.eu/smart-regulation/guidelines/tool_3_en.htm (date of access: 01.08.2016).

9. Brussels drops plans for EU law limiting right to strike [Electronic resource]. URL: <http://www.euractiv.com/section/justice-home-affairs/news/brussels-drops-plans-for-eu-law-limiting-right-to-strike/> (date of access: 01.08.2016).

10. *Leon C. de*. Regions and Subsidiarity in the European Union: A Look at the Role of the Spanish and other Regional Parliaments in the Monitoring of Compliance with the Principle of Subsidiarity // *European Public Law*. 2012. № 18. P. 305–322.

11. United Kingdom v Council : judgment of the Court of 12 November 1996 in Case C-84/94 [Electronic resource]. URL: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?jsessionid=9ea7d2dc30d5ad41372ceeb54e0e99ee9c03af9e9fec.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxuTc3j0?text=&docid=99492&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=264684> (date of access: 03.08.2016).

12. Germany v Council and Parliament : judgment of the Court of May 13, 1997 in case C-233/94 [Electronic resource]. URL: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf?text=&docid=99910&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=268585> (date of access: 03.08.2016).

13. Netherlands v European Parliament and Council : judgment of the Court of 9 October 2001 in Case C-377/98 of 9 October 2001 [Electronic resource]. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-377/98> (date of access: 03.08.2016).

14. The Queen v Secretary of State for Health (ex parte British American Tobacco Ltd.) : judgment of the Court of 10 December 2001 in Case C-491/01 [Electronic resource]. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-491/01> (date of access: 03.08.2016).

15. *Fehling M.* Gesetzgebungskompetenzen im Verfassungsrecht und im Unionsrecht // *Juristische Ausbildung*. 2016. № 38, iss. 5. P. 498–510.

16. *Panara C.* The Principle of Subsidiarity in the Sub-National Dimension of the EU // Springer International Publishing. 2015. P. 79–125.

17. *Бусыгина И. М.* Концептуальные основы европейского регионализма: проблемы европейского регионализма // Докл. Ин-та Европы РАН. 1999. № 61.

Статья поступила в редакцию 27.09.2016 г.

Рецензент *Е. В. Бабкина* – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного частного и европейского права факультета международных отношений БГУ, советник судьи Суда Евразийского экономического союза.